

Андрей Россомахин, Людмила Ларионова

К литературной репутации Маяковского:

ДВА СТИХОТВОРНЫХ ПАСКВИЛЯ 1927 ГОДА

Andrey Rossomakhin, Liudmila Larionova

On Mayakovsky's Literary Reputation: Two Verse Lampoons from 1927

Андрей Россомахин

ИМЛИ РАН, старший научный сотрудник; НИУ «Высшая школа экономики», Лаборатория визуальной истории, старший научный сотрудник; PhD
a-romaha@yandex.ru

Людмила Ларионова

Государственная публичная историческая библиотека, заведующая Отделом истории книжной культуры; ИМЛИ РАН, старший научный сотрудник; кандидат исторических наук
larionova_l@list.ru

Ключевые слова: Владимир Маяковский, литературная репутация, пасквиль, пародия

УДК 82-91

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_135

Репутация Маяковского в разных советских социальных стратах 1920-х годов представляет собой интересную и недостаточно изученную проблему. Его канонизированный статус, прочно закрепленный позднейшей официозной риторикой и мемуаристами, требует корректировки по целому ряду аспектов. В данной публикации впервые вводятся в оборот два стихотворных пасквиля, а также 35 записок, полученных поэтом на своих выступлениях. Эти источники иллюстрируют аспекты экономической и политической рецепции поэта его современниками во второй половине 1920-х годов. Тексты сопровождены необходимым историческим и филологическим комментарием.

Andrey Rossomakhin

PhD; Senior researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Senior researcher, Laboratory for Visual History of the HSE University
a-romaha@yandex.ru

Liudmila Larionova

PhD; the Head of the Department of the History of Book Culture, The State Public Historical Library of Russia; Senior researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
larionova_l@list.ru

Keywords: Vladimir Mayakovsky, literary reputation, lampoon, parody

UDC 82-91

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_135

The reputation of Mayakovsky across different Soviet social strata of the 1920s presents an intriguing and insufficiently examined issue. This canonized reputation, firmly established by later official rhetoric and memoirists, seemingly requires revision in several respects. This publication introduces for the first time two verse libels, as well as 35 notes received by the poet at his speeches. These sources illustrate aspects of the poet's economic and political reception by his contemporaries in the second half of the 1920s. The texts are accompanied by the necessary historical and philological commentary.

Виктор Шкловский в своих устных воспоминаниях упомянул о том, что после смерти Маяковского Лиля Брик сожгла огромный массив его переписки и сопутствующих документов; процитируем соответствующий фрагмент (записанный друзьями и соседями Шкловского — поэтом Владимиром Лифшицем и его женой, художницей Ириной Кичановой): «После смерти Володи Маяков-

Этот массив бумаг представляет собой никак не структурированный набор разных писем, адресованных поэту, нередко без подписей и без конвертов. Большинство представленных рукописей и машинописей — стихотворные опыты молодых авторов из провинции. Многие сочинения были посвящены прославлению революции. Часть корреспондентов пытаясь повторить «лесенку» Маяковского, а некоторые прикладывали свои рукописные книжки стихов.

В архиве нет никакой дополнительной информации об авторстве и датировке интересующего нас стихотворного опуса, но с высокой степенью вероятности мы можем датировать его февралем 1927 года и отнести к дням выступления Маяковского перед харьковскими студентами. Основанием для такой атрибуции мы считаем крайне интересный документ из фонда Осипа Брика (Ф. 2852) — речь идет о письме студента второго курса Харьковского института народного образования (ХИНО) М. Кольникона от 22 марта 1927 года, приведем его целиком:

г. Харьков 1927 г. 22/III

Студент II курса ХИНО

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович!

29-го декабря пр<ошлого> года я Вам послал 1-е письмо на адрес редакции газеты «Известия», но, вероятно, Вы не получили. Решил 2-е послать, зная точно адрес Вашего журнала³.

По всей вероятности, свободного времени у Вас нет, но большущая просьба у меня — прочесть мои первые 2 стихотворения и дать, хотя бы в двух словах, свой отзыв о них. Это мои первые. Есть ли что-либо в них поэтическое или нет? Стоит ли мне писать?

Почему я Вам посылаю? Потому что Вы единственный у нас, который может дать правильный отзыв и совет.

Ваши стихи я люблю почти до безумия, за что в общежитии меня называют *Маяковский*. Я, конечно, горжусь этим, но если бы я писал как Маяковский!

Современную литературу читаю мало, но Ваши стихи все читаю и перечитываю, иногда читаю стихи Асеева. Остальных почти-почти никогда. Не требуется что-то.

Только в одном Вашем (точно не помню каком) стихе есть фраза: «Быть может, в конец своей жизни поставить точку пули?»⁴. Это мне не совсем понять. Вы ведь говорили, что лучше умереть от водки, чем от скуки⁵. С этим я согласен, но фраза говорит другое. Не была ли мысль о самоубийстве? Пожалуйста, Владимир Владимирович, объясните это мне. Касаясь немного Вашего вечера 28/II в ИНХОЗе здесь, я осуждаю хулиганскую выходку группы студентов, которые преподнесли Вам свой стих. Если мне интересно, то я иду, не считаясь с платой. На четырех Ваших с Асеевым выступлениях здесь, в Харькове, я присутствовал. Можно было побывать на одном только (так как тема одна была), но мне инте-

3 Речь идет о редакции журнала «Новый ЛЕФ», который стал издаваться как ежемесячник с января 1927 года.

4 Неточная цитата из поэмы «Флейта- позвоночник» (1915): «Все чаще думаю — / не поставить ли лучше / точку пули в своем конце. // Сегодня я / на всякий случай / даю прощальный концерт» (т. 1, с. 199).

5 Имеются в виду строки из стихотворения «Сергею Есенину» (1926): «А по-моему, / осуществись / такая бредь, // на себя бы / раньше наложили руки. // Лучше уж / от водки умереть, // чем от скуки!» (т. 7, с. 102).

респно было присутствовать на всех 4-х. Поэтому я считаю, что кто пришел слушать стихи, тот слушал без всяких выражений о плате и т. д., а эта группа заранее подготовилась и написала стих. Мне стыдно было за них, как за студентов. Почему не приедет Безыменский, Жаров или другой кто-либо, да потому что, хоть и бесплатно читали бы стихи, то не очень-то интересно, или они хотят академиками быть, что сидят на одном месте, хотя по литературе тоже, мне кажется, нет движения вперед.

Ваши стихи, т. Маяковский, можно любить или не любить (кому не по духу), но безразлично к ним относиться нельзя.

Так вот, дорогой тов. Маяковский, жду от Вас ответа. Очень интересуют меня Ваши впечатления о моих стихах. А пока — до свидания, надеюсь увидеть Вас в Харькове. Я к Вам приходил в «Красную» со списком студентов для льготных билетов, мы их получили, за что благодарность Вам от нас.

Адрес мой: Харьков, Клочковская ул., дом № 1, ком. 69.

Студенту М. Кольникуну⁶.

Таким образом, в этом письме прямо упомянут вечер Маяковского в харьковском Институте народного хозяйства 28 февраля 1927 года, где произошел скандальный инцидент — группа студентов «преподнесла» поэту стихотворение собственного сочинения, в котором были акцентированы не только тема дорогих билетов на его выступления, но и его доход, шокировавший студентов. Полагаем, с высокой степенью вероятности, речь идет именно о публикуемом нами пасквиле с издавательским заглавием «От благодарного студенчества пролетарскому поэту В.В. Маяковскому».

Летопись жизни и творчества Маяковского подтверждает, что перед студентами в Харькове он выступал 23 февраля 1927 года — в Технологическом институте, а затем именно 28 февраля — в уже упомянутом Институте народного хозяйства⁷.

Под стихотворением стоит подпись «Банный». В ходе наших разысканий удалось установить, что это не псевдоним, — автором эффектной стихотворной инвективы в адрес Маяковского был Николай Павлович Банный (1907–1982) — на тот момент 19-летний харьковский студент, а впоследствии видный советский ученый-металлург, специалист по экономике черной металлургии, доктор экономических наук, профессор МИСиС, удостоенный звания Заслуженный металлург РСФСР⁸. О своем контакте с Маяковским он, по всей видимости, позднее рассказывал в близком кругу, — удалось найти упоминание об интересующем нас скандальном эпизоде в кратком мемуаре его сына, проясняющем ряд важных деталей (впрочем, не исключено, что в этом свидетельстве есть неточности из-за аберрации памяти и т.п.):

Студентом «прославился» с неожиданной стороны. В городской газете появилась статья под громким названием: «Кто хулиган?». Собственно, речь шла об эпизоде на вечере встречи Маяковского со студентами. В перерыве Николай Банный по-

6 РГАЛИ. Ф. 2852 (Брик О.М.). Оп. 1. Ед. хр. 609. Л. 11–11 об. Название единицы хранения: «Письма начинающих писателей В. В. Маяковскому. 13 мая 1923 — 29 марта 1928».

7 См.: Катаян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А.Е. Парнис. Изд. 5-е, доп. М.: Советский писатель, 1985. С. 374–375.

8 Подробнее см. биосправку: https://ru.wikipedia.org/wiki/Банный,_Николай_Павлович.

дошел к поэту и предложил знаменитости прочитать его, студента, стихи, в которых клеймил «самого» за то, что тот потребовал за свое выступление громадные, по тому времени, деньги. Иначе пригрозил прочесть перед аудиторией эти стихи сам. Стихотворение начиналось так:

Мы, вот, поэзию любим
и ищем,
Чтоб освоить ее
и узнать скорей.
К тебе пришли,
а ты забасил голосищем:
«Даёшь!
Двести!
Рублей!»
Для того, чтобы жить, нужны рублики.
Знаем, кто и как живет.
Но, вот как мы — надежда Республики —
Живем на двадцать,
а ты — на пятьсот!?

Надо отдать должное В. Маяковскому, он прочел это рифмованное обличение себя в рвачестве, но затем блестяще доказал студентам, для чего ему нужны были эти деньги и что их представление о его супердоходах неверно⁹.

Спустя десять лет, уже после сталинской посмертной канонизации Маяковского, эта студенческая акция аукнулась Николаю Банному; в 1933–1936 годах он находился на руководящих постах — работал заместителем председателя харьковского Горплана и в Президиуме Харьковского облисполкома, но весной 1936 года был репрессирован: «к необоснованным обвинениям приключовали и эпатаж “лучшего и талантливейшего поэта нашей эпохи”»¹⁰.

Важно подчеркнуть, что тема заработков Маяковского неизменно интересовала аудиторию, о чем свидетельствуют сотни записок, полученных поэтом на своих вечерах¹¹. Финансовая тема присутствует также и в ряде других писем читателей, сохранившихся в том же архивном фонде Л.Ю. Брик (Ф. 2577), что и стихотворение «От благодарного студенчества...». Среди таких писем разительно выделяется пылающее ненавистью графоманское стихотворение «Здоро́во!», под которым вместо авторства указано имя «Демьян Бедный»:

9 Банный Д.Н. Вспомним имена // Металлург: Ежемесячный иллюстрированный массово-практический журнал. 1996. № 1. С. 43. Упомянутую в мемуаре газетную статью «Кто хулиган?» выявить не удалось. В доступных нам харьковских газетах «Пролетарий» и «Вечернее радио» такой статьи не обнаружено. Не исключено, что в воспоминания вкрадалась неточность и студенческая стенгазета ошибочно названа «городской газетой».

10 Там же.

11 Неизменный интерес современников к гонорарам Маяковского уже был предметом наших публикаций: Россомахин А.А. Тема финансовых и гонораров Маяковского в карикатурах, пародиях и записках зрителей // Разговор с финансопектором о поэзии. Факсимильное издание. Статьи. Комментарий / Сост. и науч. ред. А.А. Россомахин. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2022. С. 98–119; Ларионова Л. Фолловеры и хейтеры В.Б. Маяковского: Как любили и ненавидели поэта в первой половине XX века. (Каталог-путеводитель). М.: Бослен, 2024. С. 86–90.

Здоро́во!

(На тему отрывка из поэмы Маяковского «Хорошо»)

Литературный выкидыш
подлиза Маяковский!
Ты лижешь зад
власти Кремлевской.
Чтобы лакать кофе и какао¹²
юродствуешь ты как попало.
Ты же поэт на ЯТЬ
продажная ты б....

Ты назвал вшой светило!¹³
Какой же гадине
надобно твое рыло...

Твой пьяный бред,
с икотой смешанный,
слюною сдобрен бешено́й,
в газетах грязный оставляет след.

Закрой свой ящик мусорный,
тебе совет мой впредь:
в уборной лишь пер....¹⁴

Этот сортирный опус мы склонны датировать тем же 1927 годом (точнее, концом 1927 / началом 1928), поскольку, по всей видимости, Маяковский получил его в ходе своих гастролей с декламацией юбилейной поэмы «Хорошо!», написанной им к 10-летию Октябрьской революции¹⁵. Этот стихотворный пасквиль со всей очевидностью дилетантский, но поражает не столько его оскорбительно-нечензурный характер, сколько мало вообразимое в СССР политическое шельмование — строки про «лизание зада власти кремлевской» (!) впору представить в антисоветски настроенной эмигрантской среде, но не в советской аудитории. К сожалению, нет никаких дополнительных данных, позволяющих хоть как-то локализовать социальную страту автора/авторов этого второго, непристойного, опуса¹⁶.

12 Ср. в поэме «Хорошо!» (1927): «За тучей / берегом / лежит / Америка. // Лежала, / лакала / кофе, / какао...» (т. 8, с. 297).

13 Намек на строки в поэме «Хорошо!»: «И вот / из-за леса / небу в шаль / вползает / солнца / вша. // Декабрьский / рассвет, / изможденный / и поздний, / встает / над Москвой / горячкой тифозной...» (Там же).

14 РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 1193. Л. 157. Купирование двух непристойных слов присутствует в самой машинописи.

15 Выступления с чтением поэмы состоялись в Москве, Ленинграде, Харькове, Ростове, Новочеркасске, Таганроге, Армавире, Баку, Тифлисе, Казани, Свердловске, Перми, Вятке, Днепропетровске, Киеве, Одессе и ряде других городов.

16 Сам факт наличия в конце 1920-х годов антисоветских опусов и записок, получаемых Маяковским на публичных выступлениях, требует отдельного анализа, а также их целенаправленного поиска. В ходе наших изысканий были выявлены еще две записи с острополитическими высказываниями: 1) записка, полученная 20 января

Вернемся к первому стихотворению студента Николая Банного. Важно отметить его профессионализм — это не просто шельмующий опус, но одновременно и пародийная апроприация поэтики Маяковского, с вкраплениями ряда цитат и аллюзий на его тексты, ритмическим рисунком и даже разбивкой «лесенкой». Эта пародия/паквиль широко задействует сниженную лексику и просторечье из арсенала Маяковского: «голосище», «штанищи», «язычище», «рублики», «шкурник», «орете», «плюнь да разотри», «хочь ложись да помирай», «катись туда, откуда приехал». Можно сказать, что это стихотворение вполне дотягивает до высокого уровня пародий Александра Архангельского (1889–1938) — блестящего мастера, автора нескольких сборников пародий на литераторов-современников, среди которых четыре ярких пародии на Маяковского¹⁷. Рассматриваемое стихотворение не является спонтанным экспромтом, а было создано в ходе гастрольных выступлений Маяковского в Харькове — и поднесено ему как акционистский протест студентов против слишком высокой стоимости билетов на вечера поэта и стоимости его книг.

При этом представляется немало неожиданным тот факт, что оба стихотворных паквиля напечатаны на машинке. Печатная машинка — сама по себе отнюдь не распространенный атрибут советского быта; скорее это атрибут профессиональных литераторов или журналистской среды. Поэтому нельзя исключать, что машинописная перепечатка делалась в кругу Маяковского/Бриков позднее, с рукописных оригиналов, полученных поэтом на своих выступлениях. Если так, то тогда перед нами факт сознательной фиксации паквилий в лефовском кругу, очевидно для документации синхронной рецепции выступлений Маяковского и для рефлексий по поводу массовой читательской аудитории. Однако в целом, по следам нашего знакомства с указанным архивным фондом нет ощущения, что перепечатку на машинке делали в бриковской среде с рукописных оригиналов, — то есть Маяковский вполне мог получить оба паквиля в машинописном виде; две публикуемые нами машинописи в архивном фонде соседствуют преимущественно с рукописными письмами Маяковскому.

1927 года во время выступления в Казани, в Оперном театре: «т. Маяковский! Когда будет предоставлена свобода печати и слова в С.С.С.Р.?»; 2) записка, полученная Маяковским 9 декабря 1927 года во время выступления в Тифлисе, в Театре Шота Руставели, с чтением поэмы «Хорошо!»: «Товарищ Владимир. Великий Пушкин всегда стоял <на> стороне свободы и метко стрелял стихами <в> деспотизм. Почему величайшее <...> явление в русской жизни, освободительная оппозиция, в лице вас не находит борца-поэта, против деспотизма большевиков-зверей? Грузинские оппозиционеры надеемся что вы как поэт будете с нами во имя правды и свободной поэзии, ибо вы скоро станете перед судом народа. Скажите что-нибудь об этом». Попутно процитируем фрагмент еще одного сортирного опуса, полученного поэтом 18 февраля 1927 года на выступлении в Туле и издавательски озаглавленного «На память пролетарскому поэту тов. Маяковскому»: «Еще знаю, ты хитряга — / Попал прямо в точку. / Твои песенки поет бедняга / Аправляясь — весит на гвоздочку. / Не веришь? — проверь / Когда будешь там... / Как откроешь дверь, / Оторви листик сам». (Здесь и далее все записки цитируются по оригиналам из собрания Государственного музея В.В. Маяковского (ГММ). Орфография записок авторская).

¹⁷ Перечислим его остроумные пародии на поэта: «Москва — Мадрид» (1926), «Октябринцы» (1927), «Разговор с Пушкиным» (1927), «Открытие Америки» (1929).

2. Комментарий

То, что опус Николая Банного «От благодарного студенчества пролетарскому поэту В.В. Маяковскому» был преподнесен поэту студентами, должно было особенно сильно травмировать его. В конце 1920-х Маяковский все более явственно ощущал потерю контакта с молодой аудиторией, которая нередко отдавала предпочтение «комсомольским поэтам» Александру Безыменскому, Иосифу Уткину и Александру Жарову.

Наш комментарий призван, во-первых, продемонстрировать плотный аллюзивный пласт пародии/пастки и, во-вторых, приблизить к пониманию Маяковского как особого социокультурного феномена второй половины 1920-х годов: поэта-трибуна, поэта-публициста, гастролирующего по всей стране, путешествующего за границей, печатающего свои стихи и очерки в десятках газет и десятках журналов, пишущего пьесы и сценарии для театра, цирка и кино и т.п. Добавим, что в интересующий нас интервал с 1926 по 1930 год Маяковский издал 35 собственных книг (то есть в среднем выпускал в свет по семь книг ежегодно)¹⁸. При всем при этом, несмотря на огромную читательскую аудиторию, Маяковский для малообразованных масс оставался белой вороной, а его артистическое амплуа (поведение на эстраде, заграничный костюм, трость, иногда даже галстук-бабочка) само по себе было способно ввести в когнитивный диссонанс нишую рабоче-крестьянскую аудиторию (особенно в провинции), ибо радикально не соответствовало их представлениям о пролетарском поэте.

I. Даёшь двести рублей!.. —

Слово «Даёшь», изначально являвшееся элементом матросского арго, в годы Гражданской войны вошло в повседневную речь и в литературный язык. Крайне интересно, что, по нашим наблюдениям, проводником этого витального императива в поэзию стали вчерашние футуристы — прежде всего Велимир Хлебников, Василий Каменский, Федор Богородский и Владимир Маяковский. К концу 1920-х годов словечко «Даёшь», изначально субкультурно-люмпенское и почти похабное для образованных страт, было уже широко подхвачено политической риторикой и стало пропагандистским «мемом», с разной степенью интенсивности остававшимся актуальным почти до самого конца советской эпохи. Для приближения к языковому фону эпохи следует привести слова Виктора Шкловского из очерка «Всеволод Иванов»:

Во время революции изменился русский язык. Появились новые слова, сперва их даже запрещали, сердились на слова «Даёшь», «братьва», «косая».

По происхождению эти слова, многие из них по крайней мере, пришли из арго, из языка преступников (Тынянов). Таково, например, происхождение слова «шпалер» (револьвер), это из блатной музыки и происходит из жаргонного «шпэйер» — плеватель. <...>

¹⁸ Всего при жизни Маяковского, с 1913 по 1930 год вышли в свет 100 его книг (без учебно-нотных изданий). Подробнее см. наш каталог-резоне: *Россомахин А.А. Магические квадраты русского авангарда: Случай Маяковского. (С приложением полного иллюстрированного каталога прижизненных книг В.В. Маяковского)*. СПб.: Вита Нова, 2012.

Дальше, путем создания новых ассоциаций по смежности, новое слово стало почтенным не менее прежнего, и слово «Даёшь» приобрело даже оттенок официальности¹⁹.

Важно подчеркнуть беспрецедентную частотность слова «Даёшь» именно в поэзии Маяковского — оно встречается в двадцати девяти его текстах 1923–1930 годов²⁰. В интересующем нас 1927 году он многократно декламировал на своих вечерах стихотворение «Даёшь изячную жизнь» (см. коммент. далее), именно оно было апpropriировано в комментируемой студенческой пародии.

II. ...рублики <...> Республики... —

Рифма заимствована из стихотворения Маяковского «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому» (1926), где поэт высказывает ряд инвектив и в адрес эмигрировавшего Шаляпина: «Вернись / теперь / такой артист / назад / на русские рублики — / я первый крикну: / — Обратно катись, / народный артист Республики!..» (т. 7, с. 210). Позднее, в 1928 году, Маяковский вновь воспользуется этой рифмой в стихотворении «Лицо классового врага»: «У него / обеспечены рублики — / всем достояньем республики» (т. 9, с. 48).

III. Живем на двадцать, / а ты / на пятьсот... —

Здесь студенты отсылают к программному стихотворению Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии» (издано отдельной книжкой летом 1926 года, а затем напечатано в октябрьском выпуске журнала «Новый мир») — а именно к следующей строфе: «В ряду / имеющих / лабазы и угодья // и я обложен / и должен караться. // Вы требуете / с меня / пятьсот в полугодие // и двадцать пять / за неподачу деклараций» (т. 7, с. 119). В этих строках Маяковский во всеуслышание указывает сумму налога 500 рублей, который ему начислили за первое полугодие 1926 года, и далее последовательно и страстно доказывает, что он готов заплатить лишь 5, а не 500 рублей, то есть требует от государства снизить налог в 100 раз...²¹ Сопоставление собственного дохода

19 Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933) / Сост. А.Ю. Галушкин и А.П. Чудаков. М.: Советский писатель, 1990. С. 283.

20 Подробный анализ императива «Даёшь» в поэзии Маяковского см. в статье Валерия Отяковского в данном блоке. Мы готовим коллективную монографию, в которой будет прослежена история СССР сквозь призму слова «Даёшь».

21 Ближайшим последствием этого радикального жеста Маяковского стало следующее налоговое предписание, в котором налог ему увеличили с 500 до 2334 рублей (то есть почти в пять раз!), тем самым поставив на грань финансового банкротства. Детальный анализ взаимодействий Маяковского с государственными фискальными органами, публикация целого ряда финансовых документов поэта и динамики его налогового бремени, а также дешифровка контекстов его знаменитого стихотворения-манифеста (и построчный комментарий к нему) впервые осуществлены в подготовленном нами научном сборнике: «Разговор с фининспектором о поэзии» Владимира Маяковского: Факсимильное издание. Исследования. Комментарий / Сост. и науч. ред. А. А. Россомахин. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2022. Кроме того, недавно появилась информативная работа, анализирующая горючары поэта на основе его 53 издательских договоров: Тюрина Е., Зименков А. Маяковский — деньги — личный бренд: Издательские договоры Маяковского как финансовый и творческий документ // Логос. 2025. Т. 35. № 1. С. 105–138.

с суммой, обозначенной в тексте Маяковского, должно было шокировать любого рядового советского читателя, а не только студентов, чья стипендия составляла 15–20 рублей в месяц.

Наши подсчеты показывают, что средний *облагаемый* доход Маяковского во второй половине 1920-х годов составлял около 1000 рублей в месяц (то есть около 12 000 рублей в год). Помимо этого, от 30 до 50% его дохода вычитались из налогооблагаемой базы. Но даже если не учитывать эти суммы и ориентироваться только на облагаемый средний доход 1000 рублей в месяц, то поэта совершенно невозможно отнести к пролетарию. Так, средний доход квалифицированного рабочего на заводе составлял около 70–80 рублей в месяц (то есть около 900 рублей в год). Другими словами, Маяковский зарабатывал в 13 раз больше заводского рабочего (и в 5 раз больше квалифицированного инженера), то есть за месяц зарабатывал больше, чем рабочий за год²².

Однако уровень дохода Маяковского более продуктивно сопоставлять не с доходами рядовых пролетариев, а с доходами коллег из писательского цеха. Это задача будущих исследователей, но в целом можно констатировать, что доходы Маяковского, несмотря на его экстраординарную активность, были отнюдь не самыми рекордными. В целом, прозаики зарабатывали больше поэтов. И, конечно, наряду с немногими высокооплачиваемыми писателями было множество таких, которые едва сводили концы с концами²³.

IV. Шкурником нужно быть для этого... —

Синонимы к уничижительному слову «шкурник» — рвач, хапуга, стяжатель, торгащ, подлец, скупердяй, ростовщик. В годы Гражданской войны у него также были значения «трус, дезертир». Все эти проекции в студенческой инвективе должны были сильно задеть Маяковского, неоднократно выступавшего бесплатно перед рабфаковскими и студенческими аудиториями. Отметим, что на исходе Гражданской войны огромным тиражом 200 000 экземпляров

22 Зарплата заводских рабочих варьировалась по отраслям и регионам, а также от уровня квалификации. Средний размер зарплаты рабочего в промышленности и на транспорте к 1928 году составил около 70–80 рублей (см.: Рашин А.Г. Заработка плата за восстановительный период хозяйства СССР: 1922/23 — 1926/27 гг. М.: ВЦСПС, 1927; Состав фабрично-заводского пролетариата СССР в диаграммах и таблицах: Итоги переписи металлистов, горнорабочих и текстильщиков 1929 года / Ред. Н.Н. Евреинова, сост. под рук. А.Г. Рашина. М.: ВЦСПС, 1930). Для сравнения: «Средняя месячная зарплата инженерно-технического персонала составляла в 1926/27 г.: в горной промышленности — 200 руб., на железнодорожном транспорте — 190 руб., коммунальной сфере обслуживания — 136 руб., связи — 159 руб., органах землеустройства — 170 руб., у агрономов — 135 руб.» (Головин С.А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20–30-е годы XX века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 180).

23 В период с конца 1920-х до начала 1930-х годов ситуация с доходом и налогообложением литераторов несколько раз менялась, а после создания в 1934 году Союза советских писателей — как структуры, подконтрольной партийной номенклатуре, — наступила совершенно иная эпоха. В 1936 году, по статистике Союза советских писателей, 2660 писателей жили на 2000 рублей в месяц (средняя зарплата в Москве составляла 271 рублей), однако усредненные цифры нивелируют реальную картину. Положение писателей не было столь уж радужным — большинство из них не могло прокормить себя, занимаясь только лишь литературной деятельностью (см. подробнее: Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей: 1930–1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 80–93).

был издан агитлубок Маяковского «Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника» (М., 1921)²⁴ — с его собственными иллюстрациями, среди которых был и портрет главного персонажа лубка, шкурника-дезертира Сильтверста Рябого.

Среди записок, полученных Маяковским в ходе интересующих нас харьковских гастролей, отметим четыре вторяющих комментируемой строфе про шкурника, якобы наживающегося на студентах:

- Записки, полученные 23 февраля, во время совместного выступления с Николаем Асеевым в Технологическом институте: «Гражданин Маяковский, как вам не стыдно брать со студента последние 40 коп. Порядочный человек этого не зделает»; «т. Маяковский. Прочтите: 1) посвящение Нетте 2) письмо Горькому 3) С. Есенину 4) об Америке. Кстати, скажите, кто с нас шкуру дерет: Вы или какая-нибудь организация».
- Записки, полученные 28 февраля, во время совместного выступления с Асеевым в Институте народного хозяйства с докладом «Даёшь изящную жизнь»: «Лично Г-ну Маяковскому. т. Маяковский! Скажи брат! Что так много берешь из <кармана> пролетарского студента»; «Маяковский. Почему так дорого билеты для студентов. <...> а вечер ведь был очень интересен».

V. Снять бы / штанищи тебе... —

По всей видимости, эта угроза является издевательской проекцией на заглавие поэмы «Облако в штанах». Публика нередко задавала поэту вопросы об этой поэме либо просила прочесть фрагмент из нее. По-видимому, это имело место и на выступлениях Маяковского в Харькове 23 и 28 февраля — поскольку сохранилось несколько записок, полученных поэтом на этих вечерах; приведем наиболее язвительную из них: «Как разшифровать такое место в поэме Облако в штанах: “ночью мне хочется вложить свой звон во что-то мягкое женское”. Читатель».

VI. Вы, футуристы, / орете всюду: / В массу поэзию!.. —

Примечательно, что Маяковский назван футуристом, хотя уже пятилетием ранее вчерашние футуристы консолидировались под знаменами «ЛЕФа». Однако поэт никогда не отказывался от своей футуристической юности, неизменно трактуя ее как революцию в искусстве, протест против буржуазного общества и царизма — тем самым искусственно большевизируя дореволюционный боемный футуризм. Тем не менее массовая аудитория едва ли в полной мере понимала объяснения поэта, воспринимая слухи о девиантных футуристических акциях как шутовство, хулиганство, пьяные выходки и т.п. Приведем полтора десятка характерных записок о футуризме, полученных Маяковским буквально месяцем ранее — в январе 1927 года, в пяти разных городах, в ходе его гастрольного тура:

- Записки, полученные 17 и 18 января, во время выступления в **Нижнем Новгороде**, в Гостеатре с докладом «Лицо левой литературы» и в ВАПП

24 На обложке этой 16-страничной книжки было другое, краткое, заглавие — «Рассказ о дезертире».

(бесплатное выступление для писателей и журналистов): «Почему вы именно выбрали такое литературное направление как “футуризм”?! Ведь может быть вы бы могли писать стихи гораздо лучше того, что сейчас пишете. А ведь в ваших стихах нет живости, это какая-то сумбурная неразборчивая и многими непонятная вещь. “Цоканье” и т. п. вещи, набившие нам ухо, так шаблонны, так недалеки. Ведь это просто обман»; «Почему вы хвалите только себя, а других всех ругаете. 2. Считаете ли вы футуристов порождением интеллигентской богемы или нет. 3. Почему пролетарские писатели и поэты не идут за футуристами».

- Записки, полученные 20 января, во время выступления в **Казани**, в Оперном театре с докладом «Лицо левой литературы»: «Чем объяснить, что такой революционер как Ленин был против футуризма?..»; «Тов. Маяковский (Весьма серьезно!): У нас среди татар уровень писателя понизился до уровень (sic!) собаки вообще, а уровень футуристов еще ниже. Догадываетесь, почему?..»; «Гр. Маяковский. Давно ли футуристы являются попутчиками пролетариата (мы помним как г-н Маяковский в 1912 г. выступал в Казани в “дворянском собрании” перед казанским “светом” во фраке с хризантемой <...> Ой как далеко не пролетарские»; «Как полагает гр. Маяковский: займет ли когда-нибудь футуризм хоть какое-нибудь место в русской поэзии? Развеяны, что значит в одном из ваших стихов “Облака в штанах”. Если бы было “штаны в облаках”, то это еще имеет кое-какой смысл. <...> На какие средства ездят пролетарские писатели по Европе и Америке»; «Вождю футуризма Маяковскому: т. Маяковский! <...> Не является ли все это похабщина и вульгарщина?»; «Почему тов. Троцкий футуризма ни во что не ставит».
- Записки, полученные 24 января, во время выступления в **Пензе**, в Народном доме с докладом «Идем путешествовать»: «У русской эмиграции есть поэты или тоже Маяковские? Случайно или нет итальянский футуризм близок с фашизмом? Как оценивается Ваша поэзия А.В. Луначар[ским?]»; «Маяковскому. Почему Вы не бросили до сих пор носить желтую клетчатую куртку? А Троцкий передавал, что футуристы бросили уже эту моду. Значит неправильно!».
- Записки, полученные 26 и 27 января, во время выступления в **Самаре**, в зале Губкома и на рабфаке с докладом «Лицо левой литературы»: «Чем объясняется, что футуристы раньше ходили в желтых женских кофтах и коротких штанах, а сейчас приняли человеческий облик?»; «Маяковскому. Для кого предназначаете вы, футуристы, ваши стихи — ведь рабочие и крестьяне их не понимают».
- Записки, полученные 29 января, в **Саратове**, в зале Народного дворца с докладом «Лицо левой литературы»: «Маяковскому. Почему вы не говорите о футуризме? Ведь этой пошлости вы поклонялись, а м. б. и продолжаете»; «Вы футуристы так несете чепуху, в частности и вы, Маяковский»; «Маяковскому. Разумно ли футуризм — поэзию упадочной буржуазии, возрождать при господстве победившего пролетариата?».

VII. А сколько стоит / ваша книга? / Рубля два, / а то / и три... —

Во второй половине 1920-х годов книги Маяковского стоили в диапазоне от 15 копеек до 4 рублей. Большинство книг представляли собой тонкие бро-

шоры, они, как правило, продавались не дороже 50–75 копеек. Самыми дорогими были тома 10-томного «Собрания сочинений» Маяковского, которое стало выходить с 1927 года: каждый том стоил от 3 до 4 рублей. Таким образом, вопреки студенческим претензиям, по состоянию на начало 1927 года, которым мы датируем комментируемый пасквиль, ни одна книга поэта не стоила 2 или 3 рубля. Однако осенью того же года вышла в свет поэма «Хорошо!» (обложка оформлена Эль Лисицким), — эта книжка, при объеме 104 страницы и тираже 3000 экземпляров, продавалась магазинами по 2 рубля. Такая цена многим читателям показалась шокирующей чрезмерной. В газете «Вечерняя Москва» (1927. № 264. 19 нояб. С. 3) появилась даже карикатура А. Зубова под названием «Коротко о книге»: карикатурист перерисовал лицевую сторону обложки поэмы «Хорошо!», сопроводив ее рецликой: «Не плохо». При этом рядом была изображена спинка обложки с обозначенной ценой («2 рубля»), что вызывает бурную реакцию: «Сквер-р-риссимо!!!» (см. ил. 1–2). Тираж поэмы разошелся за три месяца. 14 февраля 1928 года поэт отправил заявление в литературно-художественный отдел Госиздата:

Прошу ускорить второе издание <...>. Поэма «Хорошо!» разошлась, но вследствие дороговизны не могла попасть в рабочую и вузовскую читательскую массу. Жалоба на цену неоднократно подымалась в письмах и печати. Для полного ущевления книги я согласился на минимальный предложенный мне отделом горнорар — 20 к^{оп}. строки (т. 13, с. 112).

Второе издание поэмы вышло в свет в сентябре 1928 года, ее цена была снижена в два раза, до 1 рубля.

Ил. 1–2. Обложка поэмы «Хорошо!» (М., 1927) работы Эль Лисицкого. Карикатура А. Зубова в газете «Вечерняя Москва» (1927. 19 нояб.).

VIII. Орешь: / Даёшь / изящную жизнь!.. —

С января 1927 по январь 1928 года с поэтической программой и докладом «Даёшь изящную жизнь!» Маяковский выступал в Москве, Харькове, Киеве, Ленинграде, Новочеркасске, Ростове, Тифлисе и Свердловске. Одноименное стихотворение в начале марта было напечатано в журнале «Бузотер» (№ 9. Март. С. 2). Приведем текст с афиши (см. ил. 3) самого первого выступления, со-

стоявшегося 14 января в Большой аудитории Политехнического музея (в ходе последовавшего гастрольного тура программа сильно варьировалась):

Даёшь изящную жизнь!

I. Темы: Чем вы занимались до 17-го года? 2. А ночью дан был бал в честь юной королевы. 3. Озерзамок Мирры Лохвицкой. 4. Белая жилетка, Бальмонт, шипр и клизма. 5. Мы сами знаем, что нам красиво и что нам изящно. 6. Шоколад Миньон жрала. 7. Возвышенный удел — докладом занимать сердца. 8. Курящийся Вересаев. 9. В Париж, а пока в кружок. 10. Последний крик Петровки.

II. Новые стихи: 1. Красивое стихотворение. 2. Моя речь на показательном процессе. 3. Молодежи. 4. Письмо Горькому. 5. Мочала а ля Качалов. 6. Наш павловоз. Как втирают очки и др.

III. Ответы на записи.

Выступление Маяковского транслировалось по радио. Его саркастический лозунг «Даёшь изящную жизнь!» стал одним из элементов лефовской программы, подразумевавшей борьбу со старым бытом и создание нового социалистического быта, без подражания дореволюционным или заграничным образцам. Приведем отклик очевидца на это выступление:

Маяковский довольным взором обвел переполненный зал Политехнического музея и сразу же, потрясая своим огромным кулаком, обрушился на «изящную жизнь».

— Мне ненавистно все то, что осталось от старого, от быта заплывших жиром людей «изящной жизни». «Изящную жизнь» в старые времена поставляла буржуазная культура, ее литераторы, художники, поэты. Старые годы шли под знаком дорогостоящей моды, и все то, что было дешево и доступно, считалось дурным тоном, мещанством.

Сам Маяковский неоднократно сворачивал головы «канарейкам», громил кисейные занавески и пыхтящий самоварчик. Но теперь...

— Я за канареек, я утверждаю, что канарейка и кисейные занавески — большие революционные факты. Старые канарейки были съедены в 19-м году, теперь канарейка приобретается не из-за «изящной жизни», она покупается за пение, покупается населением сознательно. Мы стали лучше жить, показался жирок, и вот снова группы делают «изящную жизнь»²⁵.

22 февраля состоялось первое выступление с этой программой в Харькове, в Драматическом театре (во втором отделении с чтением стихов выступал Николай Асеев). Приведем текст харьковской афиши:

Даёшь изящную жизнь

Доклад «Даёшь изящную жизнь».

Темы: Первый жирок. Озерзамок с куларами. Бал в честь юной королевы. Желтые ботинки, Брюсов и бандаж. Пролетарий сам знает, что ему изящно и что ему красиво. Хвостатый ресторатор. Рогатый утенок. Курящийся Вересаев. Канарейки или страусы.

Новые стихи и поэмы: Нашим юношам. Эпоха фрака. Теремок Толстикова. Замерзающая земля. Письмо Горькому. Показательная речь. С и без.

Ответ на записи.

25 Цит. по: Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. С. 365.

Репортаж в харьковской газете «Пролетарий» (1927. 24 февр.) сохранил некоторые детали этого выступления:

На этот раз Маяковский говорил об изящной жизни. По определению поэта, мы сейчас обросли жирком — жирком времени и жирком материальных ресурсов. Этот жирок часто влечет за собой переход от быта к дурной бытовщине. Что такое бытовщина? — торжество старой формы, стремящейся приспособиться к новому содержанию. Это — красная иконопись — красноармеец интернационального полка, разделанный под Георгия Победоносца. Романс Чуж-Чуженина «А сердце-то в партию тянет», восточные кинофильмы с экзотикой под ракат-лукум и пряная сладость. Бытовщина — это огромное зло, величайшая опасность. Маяковский издевается над всем этим талантливо и остро... Он говорил о поэзии разоблачительства. Нам же в гораздо большей степени нужна поэзия строительства, чем разрушительства²⁶.

Ил. 3—4. Афиша выступления Маяковского 14 января 1927 года в Большой аудитории Политехнического музея. Карикатура Н. Гатилова в газете «Вечерняя Москва» (1927. № 18. 24 янв.).

IX. ...и о канарейке, / и о герани... —

Здесь остроумно подмечена идиосинкразия Маяковского к «обывательскому быту», символами и атрибутами которого в его текстах многократно становились «мещанские» канарейки, герань, самовар. Рифмованная публицистика и сатира Маяковского могла приобретать черты кэмпа. См., например: «Опутали революцию обычательщины нити. // Страшнее Врангеля обычательский быт. // Скорее / головы канарейкам сверните — // чтоб коммунизм / канарейками не был побит!» («О дряни»; 1920—1921) (т. 2, с. 74—75). Ср. с более поздними строками: «Тихо, тихо / стираются грани, / отделяющие / обычателя от дряни. //

26 Альмов. Вечер В. Маяковского и Н. Асеева // Пролетарий. 1927. 24 февр. Цит. по: Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. С. 374.

Давно / канареек / выкинул вон, / нечего / на птицу тратиться. // С индустриализации / завел граммофон // да канареечные / абажуры и платьица...» («Стих не про дрянь, а про дрянцо. Дрянцо хлещите рифм концом»; 1928) (т. 9, с. 220–221). Канарейки вскользь упомянуты и в поэме «Хорошо!» (1927) — среди пожитков эмигрантов, покидающих Россию вместе с остатками армии Брангеля.

Но вместе с тем в виде канареек (либо соловьев) Маяковский не раз изображал негодных писателей, осмеиваемых им как бесполезных «лириков», — начиная с хрестоматийных строк дореволюционной поэмы: «Пока выкипячивают, рифмами пиликая, / из любвей и соловьев какое-то варево, / улица корчится безъязыкая — / ей нечем кричать и разговаривать...» («Облако в штанах»; 1915) (т. 1, с. 181) — и вплоть до инвектив конца 1920-х годов: «Посмотрю / с лица ли, / сзади ль, / вы тюльпан, / а не писатель. // Вы, / над облаками рея, / птица / в человечий рост. // Вы, мусье, / из канареек, // чижик вы, мусье, / и дрозд. // В испытанье / битв / и бед // с вами, / што ли, / мы / полезем? // В наше время / тот — / поэт, // тот — / писатель, / кто полезен...» («Птичка божия»; 1929) (т. 10, с. 113).

Х. ...и хулиганишь / в Союзе / на воле... —

Погружение в периодику 1920-х годов, а также привлечение такого источника, как читательские записки, позволило нам прийти к выводу, что репутация хулигана оставалась актуальной отнюдь не только в дореволюционный период (когда это было одним из элементов жизнетворческих стратегий Маяковского как поэта-апаша), а вплоть до конца 1920-х — по сути, став одним из самых устойчивых ярлыков, которым публика награждала поэта в течение всей его жизни.

Напомним, что в период «бури и натиска» футуризма деятельность его творцов в газетно-журнальной критике обычно аттестовалась как хулиганство, а также как деятельность душевнобольных, графоманов, вандалов, геростратов, etc.²⁷

Казалось бы, во второй половине 1920-х, то есть через 12–15 лет после скандального футур-акционизма, статус Маяковского совершенно иной: статус живого классика и авторитетного лидера советской поэзии. Однако ряд остро-критических публикаций второй половины 1920-х годов (а также ряд прижизненных сатирических портретов поэта) способны скорректировать хрестоматийные сведения о репутации Маяковского, закрепленные в сотне мемуаров и в официальном каноне. В частности, забыты крайне интересные реалии, свидетельствующие о том, что вульгарная проработочная кампания против «есенинщины», развернувшаяся вскоре после гибели Есенина (отчасти поддержанная и в риторике Маяковского, но наиболее масштабно реализованная в рапповской критике, а также в шестнадцати (!) брошюрах Алексея Кручёных²⁸) — проеци-

27 Приведем лишь один стихотворный фельетон под названием «Хулиган», из десятков опусов такого рода: «Я — футурист! / Я — скандалист! / Держу себя я всюду гордо! / Чтоб нашуметь / И прогреметь, / Я начинаю “сыпать в морду”!.. / Войдя в экстаз — / По морде раз!.. / Кипит во мне заряд питейный... / Я — не титан, / Я — хулиган! / И хулиган первостатейный!..» (Человек без. Хулиган // Будильник. 1913. № 46. С. 7).

28 Даже сам Маяковский в манифесте «Как делать стихи» (1926) печатно назвал эти антиесенинские памфлеты Кручёных «дурно пахнущими книжонками» (т. 12, с. 97). Совокупный тираж этих памфлетов приблизился к 100 000 экземпляров — и беспрецедентен в литературной биографии Кручёных, выпустившего более полутора сотен малотиражных брошюр в 1910–1931 годах. Вот лишь несколько наиболее говорящих

ровалась и на самого Маяковского, причем как рядом литературных оппонентов, так и частью публики.

Ценнейшим и показательным материалом следует признать синхронные отклики, возникшие на волне «борьбы с хулиганством» и адресованные Маяковскому на его публичных выступлениях. Приведем презентативный ряд записок, полученных поэтом на его выступлениях в 1926–1927 годах, где он контактирует с Есениным, чья репутация хулигана проецируется на самого Маяковского:

- Выступление в Краснодаре, в Зимнем театре с докладом «Поп или мастер» (29 ноября 1926 года): «Где Вы получили такое воспитание хулиганское»; «Лети лети мать твою итти! Это тоже рифма!?».
- Выступление в Москве, в Политехническом музее с докладом «Даёшь изящную жизнь» (14 января 1927 года): «товарищ Моиковский вам не про Исенина говорить. <...> к вам относится авдитория как <к> хулигану, грамафону пустому».
- Выступление в Нижнем Новгороде, в Гостеатре, с докладом «Лицо левой литературы» (17 января 1927 года): «За что Ленин назвал Вас хулиганом (в 1918 году) <...>».
- Выступление в Пензе, в Народном Доме, с докладом «Идем путешествовать» (24 января 1927 года): «Маяковский! Ты считаешь себя за хорошего поэта, а? Не верь! наврал тебе! Ни старого ни нового искусства нет в твоих стихах. Да понимаешь ли ты искусство? А за что ты ругаешь Есенина? А почему ты такой нахал? Ответь, да негрубостью».
- Выступление в Самаре, в партийном клубе, в зале Губкома с докладом «Лицо левой литературы» (26 января 1927 года): «Мне говорили, что ты “хулиган” большой, а оказывается смиренный и некрасивый вовсё».
- Выступление в Киеве, в Институте народного хозяйства с докладом «Даёшь изящную жизнь» (26 февраля 1927 года): «т. Маяковский, ты не далеко ушел от Есенина и даже много <у> него позаимствовал вульгарности. Это Есенина слов<а> или фулигана?».
- Выступление в Баку, во Дворце тюркской культуры с чтением поэмы «Хорошо» (4 декабря 1927 года): «Вся зрелость Ваших стихов — это полное собрание дерзких выражений: что Вы дерзкий футурист — я в этом не сомневаюсь. Ваша поэзия хороша в хулиганской среде. Для хулиганов Вы хороший поэт».
- Выступление в Баку, в клубе им. Шаумяна, с чтением поэмы «Хорошо» (5 декабря 1927 года): «Прав ли Бухарин, обвиняя Вас в Есенивщине?».
- Выступление в Баку, в Азербайджанском университете «Разные стихи» (6 декабря 1927 года): «т. Маяковский. Расскажите нам о своем ответе Луначарскому на процессе по обвинению вас в хулиганстве»; «Маяковскому. Почему когда вы вернулись из заграницы, вас часто называли “международный хулиган”!»; «Маяковский! Любите вы водку? женщин? наглых людей? хулиганов? воров? Совершали ли вы убийство? За хулиганство сколько раз ночевали в участке?».

заглавий его антисенниковских изданий 1926 года: «Есенин и Москва кабацкая», «Черная тайна Есенина», «Лики Есенина: от херувима до хулигана», «На борьбу с хулиганством в литературе», «Проделки есенистов», «Хулиган Есенин».

По-видимому, даже на исходе 1920-х немалая часть публики, особенно в провинции, приходила на его выступления, чтобы посмотреть на «скандалиста» и «хулигана» — и Маяковский не мог не отдавать себе в этом отчета. Вероятно, начиная с 1927 года его разочарование и фрустрация от происходящего в стране все более усугублялись, а его тлеющий конфликт как с аудиторией, так и с властями в перспективе мог обернуться полной потерей контакта.

Остается лишь гадать, какие эмоции испытывал поэт, целое десятилетие истово трудясь на ниве «государственника» и «одописца», но видя, что для части аудитории он продолжает оставаться все тем же «рыжим», «шутом гороховым» и «клоуном», как когда-то на заре своей карьеры.

Аттестации «хулиган», «клоун» и «нахал» отнюдь не безобидны в условиях идеологической кампании «борьбы с хулиганством» — которой сам Маяковский отдал весомую дань, сочинив целый ряд стихотворных фельетонов и директив²⁹ и проведя десятки диспутов. Но куда важнее, что вслед за обвинениями в «хулиганстве» и «нахальстве» неминуемы и политические проекции, без сомнения весьма болезненные для поэта (ибо клеймо «хулигана» — это и политическое клеймо), — и, разумеется, неминуемы расхожие утверждения о деградации поэтического дара, приспособленчестве, сервилизме, «одемянивании» — то есть вырождении из поэта в производителя однодневных агиток, рифмованной халтуры.

По-видимому, именно в ситуации появления первого советского поколения новых читателей, Маяковский начинает архивировать все те дифирамбы и инвективы, которые он получал на своих многочисленных выступлениях по всей стране. Поражает его бесстрастность (в духе неангажированного социолога или антрополога): с 1926 года он педантично сохраняет все записки, полученные в столичных и провинциальных аудиториях, — включая издевательские, глумливые, оскорбительные и даже нецензурные³⁰. В архивах ГММ, РГАЛИ и Государственного литературного музея (ГМИРЛИ) ныне хранится около 6000 записок указанного периода³¹, а всего, по свидетельству его им-

-
- 29 Отметим главные стихотворения по этой теме, составляющие своеобразный цикл: «Хулиганщина» (Красный перец. 1924, № 22. Окт.), «Хулиган» («Республика наша в опасности...»; Известия. 1926. 19 сент.), «Хулиган» («Ливень докладов...»; За 7 дней. 1926. № 10. Сент.), «Хулиганы в мировом масштабе» (Известия. 1926. 26 сент.), «Тип» (первоначальное заглавие «Три хулигана»; Крокодил. 1926. № 38. 15 окт.).
- 30 Например: «Почему вы пишете такие ху*ые вещи как “Баня”? Возмутительно!». Другой пример грубого хамства зафиксирован в отчете «Красной газеты» о выступлении Маяковского в Ленинграде в 1929 году: «В Доме печати позавчера мы были свидетелями позорнейшего, в сущности говоря, явления. Литературная обывательщина, некогда прикрывавшаяся модой к Маяковскому, нынче резко повернула свой руль — и большой поэт, приехавший в город революции читать свою поэму о великой годовщине, — был встречен более чем сдержанно. Но сдержанность — это еще куда бы ни шло. Хуже, что литературная обывательщина под конец вечера совершенно рассупонилась и публично хамила. Маяковскому подавались записки о горнораре, о том, что, мол-де, его поэма написана “неискренне”, и даже одна записка явилась обыкновенным хулиганством: “А скажи-ка, гадина, сколько тебе дадено?”...» (цит. по: Лавут П. Маяковский едет по Союзу // Пришедший сам: Воспоминания о Владимире Маяковском. М.: Прозаик, 2013. С. 279).
- 31 Каталогизация наследия Маяковского растянулась на полвека — недавний заключительный 3-й том сводного указателя архивных материалов ГММ, РГАЛИ и ГМИРЛИ вышел в свет почти через 50 лет после издания первых двух томов (1964–1965) — см.: Описание документальных материалов В.В. Маяковского, находящихся в госу-

прессарио П.И. Лавута, объехавшего вместе с Маяковским десятки городов Советского Союза, было собрано около 20 000 записок!³² Статистический анализ тематики этих записок (а также географических и социальных страт их авторов) до сих пор не осуществлен — хотя эта ценнейшая информация может серьезно поколебать или даже развеять устоявшееся мнение о якобы неизменном успехе Маяковского у публики. В целом — эти до сих пор невостребованные исследователями записи представляют собой, помимо прочего, впечатляющую демонстрацию того странного и даже двусмысленного статуса Маяковского в литературной иерархии, который сложился к концу 1920-х годов. Претензии Маяковского на статус главного поэта страны делают его жертвой издевок с самых разных сторон, а его публицистическо-сатирическая поэтическая продукция «затоваривает» прессу и книжные прилавки, девальвируясь (с одной стороны) и вызывая растущую подозрительность партийного аппарата (с другой стороны). Акцентируем также экономический аспект: уровень литературных заработков Маяковского (далекий от зашкаливающих доходов ряда литераторов) способен шокировать пролетарские массы, певцом и выразителем которых он себя неизменно позиционирует. Приведем напоследок лишь пару записок, касающихся экономического аспекта (из многих сотен подобных вопросов рядовых советских людей, с изумлением осознавших, что доход от одного вечера Маяковского мог равняться их годовой зарплате):

- «Тов. Маяковский! Чем это объяснить такое безобразие, что на ваш доклад такие высокие цены (от 50 к. <до> 2 р.). Рабочая и учащаяся молодежь так горячо ожидали вашего доклада, но, увы, доклад делается по-видимому <...> для нэпманов. Нас всех поражает, как это вы, “пролетарский поэт” (а не певец нэпманов) допустили то, что двери зала оказались закрытыми перед пролетариатом?...» (записка от 27 марта 1927 года, Минск).
- «Говорят, у Вас есть дача и что Вы свою жену посыпаете в Париж одеваться? Если это правда, то скажите, как Вы с этим совмещаете разговоры о том, что Вы — с пролетариатом...» (записка от 29 ноября 1927 года, Ростов).

Итак, один из элементов прижизненной репутации и иконографии Маяковского — презентация его как поэта-хулигана, остававшегося актуальной на протяжении всей его литературной биографии, даже в период послереволюционного советского «служения»³³. Что касается столь шокировавшего пуб-

дарственных хранилищах: Вып. III / Под ред. А.Е. Парниса. М.: Россспэн, 2013. В разделе № XIV этого фундаментального справочника зафиксированы места хранения «Записок, полученных Маяковским во время выступлений», при этом сам текстовой массив этих записок до сих пор не обработан, не введен в оборот и не проанализирован.

32 «За последние четыре года он собрал около 20 000 записок. <...> Иногда казалось, что одно и то же лицо настигает поэта в разных городах — до того была порой похожа одна записка на другую. Он разил таких “записочников” острым словом, но они появлялись снова и снова. Во время его выступлений вырастала целая гора записок. Ответы на них занимали столько же времени, сколько сам разговор-доклад. Записочный ажиотаж переходил подчас в перепалку. Выкрики с мест сливались в нестройный гул смельчаков-задир» (Лавут П. Маяковский едет по Союзу. С. 343).

33 Подробнее об этом см. в нашей работе: Россомахин А.А. Ху...лиган и громила: тридцать читательских записок и пять неизвестных «зашифрованных» портретов Маяковского // Russian Literature. 2022. Vol. 128. P. 61–83.

лику соотношения собственных доходов с доходом «пролетарского поэта», то едва ли многие из них понимали, что на самом деле Маяковский вовсе не был богачом, а что следует говорить о том, что народные массы живут в нищете³⁴.

Литература / References

- Антипина В.А.** Повседневная жизнь советских писателей: 1930–1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005.
(*Antipina V.A. Povsednevnaia zhizn sovetskikh pisatelej: 1930–1950-e gody*. Moscow, 2005.)
- Головин С.А.** Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20–30-е годы XX века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 177–186.
(*Golovin S.A. Imushestvennaya differenciaciya dohodov naseleniya SSSR v 20–30-e gody 20 veka* // *Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena*. 2008. № 66. P. 177–186.)
- Катанян В.А.** Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А.Е. Парнис. Изд. 5-е, доп. М.: Советский писатель, 1985.
(*Katanyan V.A. Mayakovskij: Hronika zhizni i deyatelnosti* / Ed. by A.E. Parnis. 5th ed. Moscow, 1985.)
- Ларионова Л.** Фолловеры и хейтеры В.В. Маяковского: Как любили и ненавидели поэта в первой половине XX века. (Каталог-путеводитель). М.: Бослен, 2024.
(*Larionova L. Follovery i hejtery V.V. Mayakovskogo: Kak lyubili i nenavidel poeta v pervoj polovine XX veka*. (Katalog-putevoditel). Moscow, 2024.)
- Рашин А.Г.** Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР: 1922/23 — 1926/27 гг. М.: ВЦСПС, 1927.
(*Rashin A.G. Zarabotnaya plata za vosstanovitelnyj period hozyajstva SSSR: 1922/23 — 1926/27 gg*. Moscow, 1927.)
- Россомахин А.А.** Магические квадраты русского авангарда: Случай Маяковского. (С приложением полного иллюстрированного каталога прижизненных книг В.В. Маяковского). СПб.: Вита Нова, 2012.
(*Rossomahin A.A. Magicheskie kvadraty russkogo avangarda: Sluchaj Mayakovskogo*. (S prilozheniem polnogo illyustrirovannogo kataloga prizhiznennyh knig V.V. Mayakovskogo). Saint-Petersburg, 2012.)
- Россомахин А.А.** Тема финансов и гонораров Маяковского в карикатурах, пародиях и записках зрителей // Разговор с фининспектором о поэзии. Факсимильное издание. Статьи. Комментарий / Сост. и науч. ред. А.А. Россомахин. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2022. С. 98–119.
(*Rossomahin A.A. Tema finansov i gonorarov Mayakovskogo v karikaturah, parodiyah i zapiskah zritelej* // *Razgovor s fininspektorom o poezii. Faksimilnoe izdanie. Stati. Kommentarij* / Ed. by A.A. Rossomahin. Saint-Petersburg, 2022. P. 98–119.)
- Россомахин А.А.** Ху...лиган и громила: тридцать читательских записок и пять неизвестных «зашифрованных» портретов Маяковского // Russian Literature. 2022. Vol. 128. P. 61–83.
(*Rossomahin A.A. Hu...ligan i gromila: tridcat chitatel'skih zapisok i pyat neizvestnyh «zashifrovannyh» portretov Mayakovskogo* // *Russian Literature*. 2022. Vol. 128. P. 61–83.)
- Состав фабрично-заводского пролетариата СССР в диаграммах и таблицах: Итоги переписи металлистов, горнорабочих и текстильщиков 1929 года / Ред. Н.Н. Евреинова, сост. под рук. А.Г. Рашина. М.: ВЦСПС, 1930.**
(*Sostav fabrichno-zavodskogo proletariata SSSR v diagrammakh i tablitsakh: Itogi perepisi metallistov, gornorabochih i tekstilshikov 1929 goda / Red. N.N. Evreinova, sost. pod ruk. A.G. Raschina*. Moscow, 1930.)
- Тюрина Е., Зименков А.** Маяковский — деньги — личный бренд: Издательские договоры Маяковского как финансовый и творческий документ // Логос. 2025. Т. 35. № 1. С. 105–138.
(*Tyurina E., Zimenkov A. Mayakovskij — dengi — lichnyj brend: Izdatel'skie dogovory Mayakovskogo kak finansovyj i tvorcheskij dokument* // *Logos*. 2025. Vol. 35. № 1. P. 105–138.).

34 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).